

## СПАСИБО ЗА ВАШУ КАТАСТРОФУ: ЗАКОН И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ<sup>1</sup>



**Б. МЕЛКЕВИК,**  
доктор права, профессор,  
Университет Париж-2,  
Университет Лавалья  
(г. Квебек, Канада),  
email: bjarne.melkevich@fd.ulaval.ca

В статье исследована парадигма «катастрофы» (бедствия), все чаще используемая в этике, экологической этике, а также экологическом праве. В этих областях к парадигме «катастрофы» прибегают, как правило, для легитимации «чрезвычайных» и «исключительных» политических действий. Автор критически оценивает целесообразность такого подхода. В статье сделан акцент на «человеческой природе», чтобы продемонстрировать ее важность и роль, которую играет человек в понимании самой катастрофы и ее масштаба. Автор последовательно рассматривает практическую перспективу для юриста и практическую рациональность судебной подготовки для изучения различных аспектов катастрофы. В первую очередь, в связи с человеческим разумом, психикой, затем в связи с разумным пониманием, затем в связи с тем, как переживается бедствие и, наконец, в аспекте человеческой рациональности. Автор приходит к выводу, что к любой катастрофе, антропологической или природной, необходимо подходить в рамках рациональности.

*Ключевые слова: теория катастроф, экология и экологизм, этика и экологическая этика, поведение человека, психология и право, философия права, правовая теория, философия, Ганс Йонас (1903-1993).*

### Постановка проблемы

Теоретическая популярность парадигмы «катастрофы» (бедствия) в последние годы возросла. Сегодня эта парадигма рассматривается как комплексная область исследований, способных оказать влияние на политику и имеющих основополагающее значение для глобального (или местного) уменьшения опасности бедствий, устойчивого развития, изменения климата и гуманитарных соглашений.

© Бьярн Мелкевик, 2022

© Коваленко И.И., перевод с франц., 2022

<sup>1</sup>Настоящий оригинальный перевод статьи сделан Коваленко Инной Игоревной (г. Харьков, Украина) с издания работы на французском языке: Bjarne Melkevich. «Merci pour votre catastrophe: Droit et rationalité», in Boris Cyrulnik (eds.), Smart City: Le catastrophisme. Penser le pire et agir pour le meilleur, Nice (France), Éditions Ovidia, Coll. Philosophie et Éthique de la Smart City, 2021. Перевод представлен в редакцию журнала «Право и государство» автором статьи – профессором Бьярном Мелкевиком. Публикуется впервые.

Кроме того, парадигма катастроф и накопленный теоретический опыт весьма важны в аспекте борьбы со стихийными бедствиями. Но является ли событийная ориентация (фокусировка объекта) адекватной? Или даже полезной? Автор данного исследования придерживается строго антропоцентрического взгляда и использует в качестве практической установки для анализа модель действующего защитника (*avocat*). С практической стороны автор утверждает, что главным элементом катастрофы является «человеческая природа», наше понимание того, что происходит вокруг нас (и с нами), а также наша способность справляться с такими событиями. Соответственно, в статье предложен ряд тематических направлений для понимания «человеческой природы» применительно к текущей, объявленной или уже достигнутой катастрофе. Автор настаивает на роли человеческого разума как «начального потенциала» (посредством индивидуализации и социализации) в противостоянии катастрофе, с целью улучшить жизнь в условиях неопределенности, а также в преодолении тревоги.

**Целью статьи** является содействие глубокому пониманию парадигмы катастрофы с акцентом на важность учета интересов людей в контексте катастроф, а также обоснование необходимости рационального действия в таких условиях.

**Анализ последних исследований и публикаций:** Исследование осуществляется на теоретико-философском уровне. Отправной точкой анализа является философский шедевр Дэвида Юма (1711-1776) – «Трактат о человеческой природе» (1739). Прежде всего, речь идет не о «человеческой природе» как таковой, а о том, как она проявляется в нашем поведении и в том, как мы обходимся с окружающей средой. Человеческое поведение – это способ, благодаря которому человеческая природа становится социальной. Автор также основывает исследование на своей предыдущей публикации философско-правового характера.

### **Изложение основного содержания**

Когда кто-то напуган, отчаялся из-за катастрофы, а тем более пребывает в ней, опытный юрист остается хладнокровным и видит перспективу хорошо оплачиваемой работы, равно как и будущую прибыль! Ничего удивительного. Любой хорошо образованный юрист-профессионал, изобразив любезность и сочувствие, умеет ловко делать расчеты в контексте происходящих/грядущих бедствий независимо от их масштаба: огромного и даже гигантского, тяжкого или горестного, большого или малого. Для него катастрофа – благословенный хлеб, смысл существования в мире, и он горд тем, что люди, желая справиться с возникшими вопросами, не обойдутся без него и его профессиональных навыков. Однако его (или ее) ждет быстрое разочарование, когда выяснится, что все зависит от характера бедствия, затронутых интересов и что в силу своего разнообразия и сложности не все бедствия попадают под действие правовых норм.

Именно это мы и предлагаем осмыслить, отдавая предпочтение взвешенному анализу, в отличие от аргументации, продиктованной чувственностью.

### **Слово и психика**

Начнем с самого слова «катастрофа». Упомянутую выше позицию юриста легко понять, исходя из того, как выражается о катастрофе обычный оратор: в ней он усматривает событие, влекущее за собой серьезные материальные или физические потрясения; событие, вызывающее у людей смерть или серьезные увечья; это событие существенно и для лица, страдающего от последствий (равно как и для любой

третьей стороны, затронутой этими же последствиями). Сюда могут относиться и стихийные бедствия, вызванные штормом, наводнением, землетрясением, оползнями (почвы, прибрежной зоны и пр.), извержением вулкана, лавиной и т.д. Необходимо также принять во внимание разъяснения, равно как и предположения, связанные с климатическими изменениями или человеческой глупостью. Катастрофа может быть медицинской, санитарной, эпидемической, пандемической, вызванной, как мы знаем, новым вирусом, против которого человечество не смогло развить иммунную устойчивость. Добавьте к этому гуманитарные, военные, политические и другие катастрофы! Наконец, давайте вспомним, что на родном языке «тоска», если она действительно серьезна и деструктивна, может приравниваться к «катастрофе»!

Переходя к сути, отметим, что наличие одного или нескольких бедствий не является в итоге чем-то экстраординарным. Это просто, банально, даже тривиально! Бедствия сопровождали человечество с незапамятных времен, и так будет всегда. История учит нас. Мы подобны Вольтеру во время лиссабонского землетрясения 1 ноября 1755 года – безоружны перед лицом катастрофы, которую считаем «бессмысленной»!

Но в этом портрете обычных катастроф есть, однако, фальшивый штрих, изъян, и это – человеческая психика или «человеческая природа».

Действительно, если фактически любая катастрофа (и порожденные ею несчастья) является привычной, то страх, мука, беспокойство, *тревога* (в экзистенциальном, Кьеркегоровском смысле) ничего общего с обыденностью не имеют. Первая отстраняет от реальности, вторые ввергают человека в бездну, где совесть и психика блуждают беспорядочно.

Отчетливее и нагляднее это проявляется в случае бедствия, которое еще не произошло, когда мы сталкиваемся с «надвигающейся катастрофой» или «объявленным бедствием», не говоря уже о мифах: «рагнарёк», «апокалипсис», «армагеддон». Просто вспомним, что это битвы, где на карту поставлено человеческое будущее. В таких обстоятельствах психика существенно ослабевает, истощается, пребывает в одиночестве и пустоте, наедине с собой. Теперь она сама по себе «катастрофа»!

Нехватка предыдущего и достаточного душевного опыта не позволяет нам гармонично интегрировать его в нашу психику, чтобы суметь противостоять неизвестному событию как «катастрофическому». Подобная психологическая неспособность объясняется следующим образом: когда психика (эмоциональность) сталкивается с неизвестным, она ничем не ограничена, она становится своей собственной рамкой и отсылает к себе же самой. Таким образом, она обнаруживает только собственную слабость.

В том катастрофическом неизвестном, заявляющем о наших убытках, наших утратах, наших разрушениях, нашем глубоком несчастье, безусловно нет ничего конкретного и осязаемого. Если смерть и катастрофа могут быть преодолены в силу их фактичности и свойства нашей психики постоянно приспосабливаться к происходящему, то в случае с мукой, страхом умереть, страданиями, боязнью «кануть» в неизвестность и пустоту это происходит по-другому. В этот момент наша психика мгновенно реагирует ужасом, дрожью и паникой, потому что мы не знаем, с чем имеем дело, и не осознаем реальности того, что с нами происходит. Как действовать, приспосабливаться, как себя вести, когда мы очутились наедине со своими страданиями, со своим страхом? В психологических депривациях пустота нашей психики встречается только с бездной нашей души! Или, если менее прозаично, это момент, когда психика сталкивается со своей тишиной в неопределенном простран-

стве, безотносительно, без осознания самой себя! Это страх и боль: наша психика цепенеет перед лицом грядущей, но не основанной ни на чем конкретном катастрофы.

Во время бедствия никто не нуждается в профессиональном юристе. В душевном смысле предпочтительны психолог или священник. Реальная катастрофа вызвала бы у нашего юриста-профессионала те же потребности, разве что, если верить формуле Лютера «Юристы – злые христиане», вне игры оказался бы священник! Коллективный и незамедлительный приоритет во время бедствия и после него состоит в том, чтобы спасти жизни и делать это рационально, компетентно и профессионально. Каждый должен действовать в соответствии со своими навыками и мастерством: пожарные, врачи, инженеры и т.д. Профессиональные юристы появляются одновременно с гробовщиками. Слишком поздно!

### Суждение и рациональность

Двусмысленность и эмоции, вызываемые словом «катастрофа», побуждают нас подчеркнуть, что любая «катастрофа» связана прежде всего с притяжательным местоимением: катастрофа, ты чья? Таким образом, это слово сопряжено с тем, что отдельные лица полагают или считают «катастрофой» для себя, своего отца, своего соседа, общины и других аналогичных обстоятельств. Это индивидуальные обозначение и суждение, отсылающие к «для меня»! Или «для тебя» или «для них»! Закономерно возникает вопрос: «Что же делать?» Что делать с понесенными «убытками»? Именно тут обычно подключаются юристы, и они знают, что нужно сделать, чтобы восполнить «ущерб». И все же «убытков» в юридическом смысле не существует, и никто не несет ответственности ни в плане оценки ущерба, ни в плане причинно-следственной связи.

Это происходит прежде всего в тех случаях, когда потери не поддаются измерению, количественной оценке и, следовательно, не являются предусмотренными. Действительно, существует разрыв между тем, как человек ощущает потерю, и тем, что правовой порядок готов классифицировать как потерю. С точки зрения профессионального юриста, убытки непременно оцениваются на основе реестра денежной компенсации и в связи с этим необходимы адекватные меры. Это первое разочарование для жертвы бедствия, поскольку цена утраченного не эквивалентна какой-либо денежной мере. Утраченное понимается жертвой по-своему, это результат индивидуального оценивания – эмоционального, экзистенциального, сентиментального, морального, семейного; зачастую это вопрос памяти, связанной с неким местом или домом, местом жизни и биографией, наполненной фотографиями, артефактами, воспоминаниями. И тут мы весьма быстро обнаруживаем, что то, что действительно значимо для столь многих людей, не поддается количественной оценке и измерению, а тесно связано с их жизнью и пребыванием на земле. Жизнь, а тем более воспоминания о жизни, не могут быть возмещены ни экзистенциально, ни психологически.

То же самое часто относится и к ответственности. Вопрос ответственности здесь не имеет значения. Во-первых, потому что каждый человек отвечает за то, что может с ним случиться, и, во-вторых, потому что обычно в «стихийном» бедствии некого винить!

Закон зиждется на индивидуалистической парадигме, которая возлагает на каждого человека исключительную ответственность за все, что может случиться с его жизнью, равно как и его активами. Каждый человек должен быть предусмотрительным, определенным образом оберегать себя, в некоторых случаях путем заклю-

чения соответствующего договора страхования. Это заставляет каждого человека заботиться о себе, быть логичным и рациональным, и, прежде всего, быть осторожным. Кто позаботится о человеке и его интересах лучше, чем он сам? Исключение составляют дети, особенно младшего возраста. Идея ясна: ни при каких обстоятельствах человек не может снять с себя ответственность, возложив ее на кого-либо, будь то отдельное лицо или община.

Конечно, трудно, чрезвычайно трудно застраховать свою собственную ответственность (или же оформить соответствующую страховку, как правило, очень дорогую). Но в случае «природной» катастрофы человек ни в коем случае не чувствует себя «ответственным», а затем вы слышите знакомое выражение: «Мне не в чем себя упрекнуть», «В том, что со мной происходит, я не виноват». Человек здесь чувствует себя жертвой, что заставляет его поверить, что кто-то должен возместить ему ущерб.

Опять же, обвинять кого-то в шторме, наводнении, землетрясении, извержении вулкана, лавине не имеет смысла. Нет вины, если есть только причины! Если системы предупреждения иногда очень эффективны, как в случае с предупреждением о вулканической активности (землетрясении, тектонической деятельности и т.д.), то бесполезны упреки в том, что они не смогли предусмотреть всего!

В законе все это относится к парадигме «форс-мажор» или к теории «Божьего промысла» (языческого божества, идола), то есть случая, богини Фортуны, всего, что неподвластно человеческому контролю. В общем праве (*common law*) выражение *act of God* (или: *акт провидения, форс-мажор, иррациональная сила, непреодолимая сверхчеловеческая сила, высшая сила, vis divina* и дюжина подобных выражений) обычно используется в контрактах для обозначения чрезвычайных обстоятельств, не поддающихся контролю со стороны человека. «Форс-мажор» не влечет за собой ответственности.

Парадигма *форс-мажорных* обстоятельств выражает человеческий опыт: то, что ускользает от воли человека, не предполагает его ответственности, и, следовательно, ускользает от власти закона. Что же касается юридического значения слова *форс-мажор*, то оно, заметим вскользь, более чем проблематично в отношении «бунта», «восстания», «мятежа», «революции» и других аналогичных событий. У участников это мероприятие, как правило, вызывает полное наслаждение; для тех же, кто страдает от него, это действительно бедствие, воплощающееся в разрушениях, огне и пепле, невозполнимом ущербе.

В катастрофе многое неподвластно человеческой воле: это неудобно сформулированные вопросы (вопрос о «чистой причине», вопрос о несчастье), вопросы, которые не имеют «хорошего ответа» или имеют лишь временные и неудовлетворительные ответы. Подумаем о молодых родителях, которые видят, как их новорожденный ребенок умирает внезапной смертью. Подумаем о влюбленном, который видит женщину своей жизни беременной кем-то другим. Подумаем обо всех тех, кто потерял зрение или слух, и для которых все в миг обесценилось! Подумаем о том, как разваливается на кусочки все пережитое, прочувствованное и ценное. Это всё катастрофы! В итоге, человеческое существование – это лишь паломничество в долине слез, где цепь катастроф разрушает самое дорогое? Разве не учила нас древняя мудрость никогда не обозначать то, что мы любим, дабы этим его не погубить?

Быть ответственным как за свое счастье, так и несчастье, не иметь спасательного круга, страхования жизни – такой была участь человека с первых его шагов на земле! Это называется – неизвестность. Сегодня мы хотим забыть о том, что сти-

хийные бедствия, на протяжении тысячелетий подрывавшие и разрушающие Европу, неоднократно сопровождались голодом, что приводило к ужасающей гибели людей.

### **Жизненные бедствия и право**

Жизнь в обществе, социализированная жизнь также приносит свою долю бедствий. Существует диалектика между бедствием, пережитым в индивидуальном порядке, независимо от его важности, и правовым вопросом ответственности и возмещения. С одной стороны – разбитая мечта, разрушенная жизнь, крах устремлений, с другой – вопрошание к ответственности. Приведем несколько примеров.

Первым на ум приходит бедствие, обрывающее мечту жизни. Представьте себе девочку (мальчика), которая мечтает стать балериной, работать в престижном месте. Она жертвует «всем» ради своей мечты, бесконечно тренируется, никогда не жалуется на жесткую диету, никогда не говорит о лишениях, неиспользованном отдыхе, не состоявшихся путешествиях, отчуждении друзей. Однажды она случайно падает с лестницы почтового отделения и ломает ногу. Мечта оборвалась или воспринимается как оборвавшаяся. Полная и непоправимая катастрофа.

Теперь рассмотрим случай с молодым мужчиной (женщиной), участвующим в марафоне. Так же решительно он или она жертвует «всем», чтобы быть в форме, выступать, подготовиться и победить! Он или она обязуется представлять свою страну на зарубежных спортивных соревнованиях. Он или она мечтает быть олимпийцем на Олимпийские игры, нести флаг своей страны и стоять на пьедестале победителей. Но однажды у дороги трусливый и продажный террорист взрывает бомбу и парализует его! Больше никакой мечты! Больше «ничего»! Ничего, кроме страданий! Катастрофа!

По этим довольно редким случаям вывод одинаковый: юридический вопрос четко сводится к вопросу о том, «кого привлекать к ответственности» и «какое возмещение ущерба» требовать? В первом примере адвокат девушки быстро возьмет невнимательность в кавычки и нацелится на почтовое отделение (или владельца здания). Опасна ли лестница? Плохо приспособлена? Не поддерживается в хорошем состоянии? Не охраняется? И так далее. Он может разыгрывать вопрос о *виновности*, равно как и вопрос подразумеваемого «страхового» соглашения. Во втором примере адвокат молодого человека сделает то же самое, апеллируя как к «частной» (для организаторов марафона, страховых компаний), так и «государственной» (муниципалитет, полиция, государство) ответственности. Эти два примера совпадают: признание «ущерба» и вопрос «кто должен платить?» Тот, у кого есть деньги?

В случае с «чрезвычайными» катастрофами, такими как, например, падение самолета или затопление парома, все сводится к множественным юридическим искам. К транспортной компании, к агентству по сертификации и поверке, к ремонтно-эксплуатационной компании, к аэропорту, к агентству по навигации, к страховой компании, к страховому пулу. Все зависит от амбиций или дерзости юридической фирмы, которая смогла полностью или частично заполучить дело в свои руки. Чем сильнее «чрезвычайность» катастрофы, тем больше денег можно заработать, особенно для упомянутой фирмы, которая сначала получает львиную долю, а затем претендует на свою справедливую долю пирога! «Чрезвычайные» бедствия – это бизнес для профессионалов от права. Для них катастрофы материализуются в виде репараций, компенсаций, выплат, погашений, возмещения ущерба и т.д. Для всех остальных, столкнувшихся с катастрофой, это страдание, слезы и печаль.

Что касается правовой доктрины, то она построена на следующем разделении: «ущерб» и «возмещение ущерба». Лишение того, чем обладаешь, конкретизируется в виде «возмещения ущерба»; то же самое касается «моральной неприкосновенности», «утраты родителя» (в отношении несовершеннолетних детей), потери содержания (в отношении бывшего супруга) и т.д. Как только ценность «утрачивается», право (или *common law*) вступает в действие и предусматривает в рамках публичного порядка возможность «возбуждения дела» (в традиционном смысле) или судебного иска. Там, где имеет место «ущерб», предполагается его возмещение. Возникшая отрицательная величина должна быть погашена, исправлена, сбалансирована путем передачи положительной стоимости, которая уладит вопрос. Это называется «правосудие» из Афин и «право» из Рима.

### Страховые возможности и общество

Как отмечалось вначале, мы ответственны за все, что с нами происходит. До недавнего времени это было общепринятым, но можно представить вещи и по-другому, а именно: человек вовсе не должен «нести ответственность» за себя, свои интересы или свои потери, если он является «жертвой». Остается только представить, что вся ответственность ложится на «общество», что государство онтологически является «страховщиком» и что «все» должны платить как все бедствия, так и за всех жертв.

Вообще-то, такая идея далеко не нова. Она основана на вере в то, что мы принадлежим государству и что государство, в своей признательности и великолепии, берет или должно брать на себя заботу о нас. Идея укрепилась в наше время, когда государство перебрало на себя былые функции церкви: теперь именно оно помогает нам родиться, дает нам имя, обучает нас и в итоге (число таких стран растет) снабжает таблеткой, помогающей нам перейти в мир иной. Поэтому весьма уместно полагать, что государство должно платить за бедствия, переживаемые нами.

Мы уже упоминали реакцию Вольтера на смертоносное землетрясение в Лиссабоне 1 ноября 1755 года. Он никого не винил, кроме теистического Бога, особенно, в теодицее Лейбница. Вольтер патетичен в своей «Поэме о гибели Лиссабона» (1756):

*О вы, чей разум лжет: «Все благо в жизни сей»,  
Спешите созерцать ужасные руины,  
Обломки, горький прах, виденья злой кончины,  
Истерзанных детей и женщин без числа,  
Разбитым мрамором сраженные тела.*

Должен быть кто-то ответственный, кто-то, кого можно обвинить, обличить, осудить! Пафос Вольтера не учитывает случайность, природные факторы, геологический разлом, цунами; есть только слепая убежденность, что мир иррационален (равно как и устройство общества) и что теории, которые, по его мнению, отвергают такую очевидность, ответственны за иррациональность всего, что происходит в этом мире. Быстро усвоенный (алогичный) урок состоит в том, что мы должны организовать мир, общество и «индивидуума» рационально-государственным образом! Согласно такой мысли, государство – Левиафан или Чудовище – знает, как все организовать должным образом. Отсюда следует настоятельная необходимость в том, чтобы люди навсегда отдали свои полномочия государству, наделив его властью, необходимой для всеобщего спасения. К этому следует добавить страховой и актуарный аспект такого «спасения».

Сегодня самую помпезную радикальную форму страховой мысли (и сопровождающую ее эпистократическую идеологию) мы находим в книге Рональда Дворкина «Суверенная добродетель» (2007). Он рассматривает общество как актуарную сумму, а индивида – как владельца обычного страхового полиса в этом обществе. Современный индивид, по мнению Р. Дворкина, разгуливает со страховым полисом в кармане и может в любой момент вычислить, смог ли «кто-то получить «больше, чем он». Он также может претендовать на бесплатное получение того, чего другие добились упорным трудом, используя волшебное слово «равенство»! Таким образом, эта обычная форма страхования может рассматриваться в качестве необходимого элемента рыночного общества; это дает владельцу полную свободу пользоваться обществом свободной торговли и, прежде всего, работать над улучшением, насколько это возможно, его собственного положения. Сегодня самая несправедливая и неравная ситуация состоит в том, чтобы быть жертвой. Одновременно это и самая выгодная позиция!

Напомним, что концептуализация общества как актуарной суммы предполагает, по Дворкину, «гарантированное равенство для всех». Это равенство, когда каждый имеет право на равную долю в актуарной сумме, для получения которой он ничего не сделал и которую система, общество щедро ему предоставляют. С другой стороны, мы признаем, что политика ориентирована на рациональное управление обществом. Пока речь идет о соблюдении актуарной логики равенства, Дворкин убежден, что она никогда не будет принесена в жертву человеку. Он также считает, что если эта посылка верна в теории, то она должна действовать и на практике, и закрывает глаза на реальность, переживаемую индивидуумами.

Если принять идею – на первый взгляд абсурдную – о том, что общество создается как актуарная сумма, то любой человек может, согласно Р. Дворкину, претендовать на свою долю во имя равенства: «Почему у него это есть, а у меня нет?». Каждый человек должен произвести свой актуарный расчет, с тем чтобы этот расчет мог быть подтвержден, в случае необходимости, компетентным судебным органом. В актуарном обществе человек несет ответственность только в том случае, если он желает сверх своей доли, а не меньше.

Есть только одна проблема, с которой сталкивается Гулливер после путешествия в страховую страну: Дворкин считает, что не может быть конфликта между понятиями «свобода» и «равенство», или даже что нет реальных социальных конфликтов, ибо сама уникальность этого «гипотетического рынка» исключает конфликт в пользу «понимания». Таким образом, общество, понимаемое как «актуарная сумма», является, по мнению Дворкина, «упорядоченным» обществом с «совершенной политикой», которую необходимо принять и соблюдать. Наконец, достаточно верить, что компетентная служба однажды позаботится о нашем деле!

Идея о том, что общество онтологически сродни актуарной сумме, согласуется с тезисом о «конце ответственности». Эта идея вовсе не нуждается в такой сложной концепции, как «правовая» концепция ответственности. Зачем искать виновного в катастрофе, если так легко найти жертву? Отсюда простое решение: мы заменяем индивидуальную «ответственность» бесплатным страхованием для всех. Почему государство не может быть нашим страховщиком от несчастий и катастроф в этом мире?

Первый аргумент состоит в том, что заключение частного договора страхования, покрывающего «Божий промысел», обходится слишком дорого! Есть компании, которые специализируются на таких контрактах, и некоторые даже заключают их по требованию, но это дорого, очень дорого. Это тяжкое и дорогостоящее бремя. В



итоге почти никто не заключает такие договоры, что побуждает государство, представляющее «общество», занять место частных компаний и оплатить наши убытки в качестве группового страховщика.

Второй аргумент заключается в том, чтобы подчеркнуть: будет справедливо выплатить компенсацию жертвам и возместить ущерб, который они понесли в результате бедствия. Это прежде всего вопрос народного правосудия, глубокого сострадания к несчастьям, обрушившимся на других. Мы сочувствуем и реагируем на эмоции. Что же касается политиков, обеспокоенных своей славой, своей «популярностью» и, прежде всего, переизбранием, то они лишь гордятся перераспределением денег, которые им не принадлежат! Это благотворительность, но она работает! С учетом этого существенного недостатка мы никогда не можем быть уверены в действительности того полиса, который мы имеем, и в том, что государство будет его учитывать. Возможно, это и не так! Не так катастрофически! Или не так сенсационно!

Такое рассеивание личности, однако, свидетельствует о подчинении в духе Этьена де ла Боэси: мы его хотим, мы его желаем, мы его требуем! Как только мы отказываемся от наших собственных мер по ликвидации последствий стихийных бедствий, превосходящих нас по масштабам и необходимости принятия исключительных мер по введению нового «перераспределения», мы теряем контроль во второй раз! Конечно, актуарное общество может быть мягче, если есть деньги, но станет жестче и суровее в отсутствие денег! Многие люди не понимают, что после катастрофы может быть еще хуже!

### **Стихийные бедствия и человеческая рациональность**

Безразличие, отчужденность и невозмутимость юристов-профессионалов по отношению к бедствиям вполне обоснованы и понятны. Дело не в их желании заработать на бедствиях, обрушившихся на головы бедных людей, а скорее в том, что паника и сумятица пагубны и что иррациональность только усугубит ситуацию. Мы заинтересованы в разумном подходе к бедствиям, и закон – один из способов достижения результата. Кто-то всегда должен сохранять хладнокровие!

За примером обратимся к шотландскому философу Дэвиду Юму. Он справедливо напоминает нам, что:

*«Нет противоречия здравому смыслу в том, чтобы предпочесть уничтожение всего мира царапине на моем пальце. (...) Так же мало противоречия в том, чтобы предпочесть наименьшее благо наибольшему» (Юм, 1739).*

Быстрое и довольно примитивное понимание такого утверждения предполагает, что разум не властен над нашими страстями, особенно над эгоизмом, эгоцентризмом, нарциссизмом, и что мы должны найти способ ограничить страсти, эмоции и желания разумом. На этом фоне возникает идея, что, если страсть не заперта в клетке, она нас может привести прямо к хаосу. Это «Кант против Юма»: мы верим Канту в том, что разум должен в обязательном порядке обуздать страсти, эмоции и чувства. Усиление разума возможно, по Канту, только если он станет «чистым» – чистым практическим разумом, чистым теоретическим разумом, чистым разумом эстетического суждения! Благодаря этому чистый разум пробуждается на марсовом поле, в борьбе и увенчивается необходимой победой над врагом, Адамовым проклятием и нашими адамическими наклонностями. Это борьба, в которой «чистота разума» не может иметь изъянов, не может идти на уступки, даже малейшая уступка должна быть решительно отвергнута, потому что победитель может быть только один.

Мы категорически не согласны с таким толкованием Юма, хотя оно стало доминирующим в области философии права. В девятнадцатом и двадцатом веках приложены гигантские усилия, чтобы обосновать «чистое право», избавить правовую область от мерзости и унижения, предположительно присущих людям, вооружённым единственной обычной причиной и, что еще хуже, человеческим благоразумием и предусмотрительностью. Это вытекает из скандинавского реализма Алекса Хогерстрёма, желавшего очистить право от примесей мифологии и суеверия, а также из теории чистого права Ганса Кельзена, призванной снизить роль практики и правосудную функцию судебного решения.

Несмотря на прославленные имена, *sed contra*<sup>2</sup>, такая интерпретационная традиция ошибочна. Она побуждает нас, в лучшем случае, догматизировать разум там, где, по мнению Юма, разум должен быть гуманизирован и понят из человеческой природы. Для бытия в мире разум нуждается в индивидуальности, человеческой природе. Вне индивидуума нет никакого разума. А там, где есть индивидуумы, есть также страсти, эмоции, любовь и, конечно, ненависть, непристойности – в итоге, все, что делает индивида человеком. Разум не может доминировать в теории, которая отрицала бы индивидуума – она ничего бы не объяснила или, что еще хуже, была бы заменена теорией, описывающей живую реальность индивидуумов во плоти и крови. Такое наше человеческое качество, как воля, нельзя считать исключительным инструментом разума. Поскольку разум никоим образом нас не мотивирует, он также не в состоянии в одиночку влиять на наш выбор. Вовсе не стоит верить, вопреки голосу разума, в то, что позиция или суждение относительно «добра» или «зла», справедливого или несправедливого, непременно зиждется на здравом смысле, ибо, когда «разум» подменяет индивида (или свергает, покоряет его, как считали Спиноза, Кант, Фихте, Гегель и др.), мораль, рассматриваемая во внешнем ее проявлении, рискует потерять весь свой смысл. А когда свой смысл теряет разум, человек теряет компас.

Со всей очевидностью подчеркнем, что цитата из Юма не утверждает превосходство эмоций над разумом, она утверждает, что они вместе должны быть отнесены к империи «человеческой природы»! Суждения индивида о себе, а также об эмоциях и разуме должны соответствовать человеческой природе, тому, что делает нас индивидами, имеющими природу с соответствующими ресурсами (эмоциями, разумом, эмпатией, логикой и пр.), способными управлять всем этим – судить, принимать решение, отбирать, делать выбор и так далее. Одна из загадок философии Юма в том, что она не дает нам анализа этой человеческой природы, она упоминает об этом, не более того. Понятие человеческой природы соотносится с тем, чем является индивид на каждом этапе его нравственного и экзистенциального развития. Отсюда любое философствование по этому поводу, особенно современная тенденция к концептуализации, малозначимы перед лицом человеческого бытия. Если понимание человеческой природы современным философом рискует уподобиться платоновскому двуногому без перьев, то юмовский человек ходит по улице, он думает и живет, действует и видит!

Однако Юм утверждает, что глубочайшей мотивацией всех наших действий является желание достичь удовольствия и удовлетворения, а также желание избежать боли или дискомфорта. Без этой мотивации мы можем утратить интерес к этому миру, никакая предпосылка не была бы предпочтительной, и даже лучшее знание

<sup>2</sup>*sed contra* – с другой стороны (лат.)

жизни и бытия не заставило бы нас пошевелить пальцем. К счастью, мы достаточно любим себя, чтобы не хотеть уничтожить мир, иначе мы могли бы уничтожить нашу планету и человечество давным-давно.

Прежде всего, мы так или иначе ничего не делаем, если нет воли. Без воли индивид просто не действует. Мы наблюдаем это ежедневно. А чтобы мобилизовать волю, человек должен быть мотивирован. Ему чаще всего нужны разнообразные «мотивы», одного мотива часто бывает недостаточно (за исключением романтических отношений!). Удобное нас мотивирует лучше, чем неудобное, радостное – лучше, чем недовольство; то, что служит нашим конкретным интересам, мотивирует нас лучше, чем идеалистические абстракции.

Понимание наших стихийных бедствий, экологических катастроф в духе страха и упования на будущее ни к чему нас не обязывает, не мотивирует, в итоге ведет к бездействию. Призывы к покорности и повиновению – не более чем пустые слова. Манипуляция сознанием и, прежде всего, лживая приманка! Об этом гностическая концепция природы немецкого философа Ганса Йонаса и его книга «Принцип ответственности» (1979). Мы узнаем, что экологическое мышление должно наводить страх, запугивать, а нам надлежит использовать слова, выражающие страх и ужас, чтобы нарисовать картину надвигающейся катастрофы, которая скоро нас всех поглотит. Создается впечатление, что нужно действовать быстро во избежание экологического кризиса, всеобщего спасения и получения доступа к гностическому раю. Но прежде всего мы должны знать, что наше существование уже является катастрофой, катастрофой, которая может только усугубиться, и поэтому нам навязывается идея, что ни разум, ни наука не могут нам помочь. Ганс Йонас слепо следует своему учителю Мартину Хайдеггеру и вере, что наука и рациональность, слишком замаранные технологией, не принесут нам никакой пользы. Света и разума следует избегать.

Однако недостаточно верить и бояться, ужасаться перед надвигающейся катастрофой! Это ни к чему нас не побуждает. Это замораживает дух. Это замораживает стремление к науке и здравому смыслу. Это превращает в катастрофу сам наш дух. Лучше развивать науку и здравый смысл, чтобы противостоять жизненным вызовам на земле. Только наука и разум помогут нам в этом.

### **Panta rhei**

«Все течет», «все преходяще», все меняется и становится чем-то другим! Бедствия приходят и уходят. Сегодняшняя катастрофа – это завтрашняя катастрофа! Вчерашняя катастрофа – это сегодняшняя катастрофа! Все тонет, рушится и в конце концов разрушится! Нет необходимости противостоять надвигающейся на нас гибели, ничто не стабильно и не должно быть таковым! На скале можно возвести веру, но не наше существование и жизнь. Построивший дом на песке должен знать, что дом рухнет!

В итоге, все, что у нас есть, это наша человечность, наша знаменитая «человеческая природа» и то, на что мы способны вместе с ней и благодаря ей. Она не нашептывает нам ни о какой цели, не говоря уже о судьбе, она сообщает нам, что, по сути, все зависит от нас, от нашей способности использовать, мобилизовать наш разум! У нас больше ничего нет! Человеческая природа постоянно нам нашептывает, что катастрофа сродни несчастью и что она всегда неожиданная.

**Выводы.** Автор настаивает на принятии народной точки зрения относительно «теории катастроф». Мы должны представлять «катастрофу» и анализировать ее последствия в сугубо практическом человеческом контексте.

**Б. Мелкевик, құқық докторы, профессор, Париж-2 университеті, Лаваль университеті (Квебек, Канада): Апатыңызға рахмет: заң және рационалдық.**

Мақалада этика, экологиялық этика және экологиялық құқықта жиі қолданылатын «апаттар» парадигмасы зерттелді. Бұл салаларда «апаттар» парадигмасы, әдетте, «төтенше» және «ерекше» саяси әрекеттерді заңдастыру үшін қолданылады. Автор бұл тәсілдің орындылығын сыни тұрғыдан бағалайды. Мақалада оның маңыздылығы мен апаттың өзін және оның ауқымын түсінудегі адамның рөлін көрсету үшін «адам табиғатына» баса назар аударылады. Автор заңгер үшін практикалық перспективаны және апаттың әртүрлі аспектілерін зерттеу үшін сот дайындығының практикалық рационалдығын дәйекті түрде қарастырады.

Ең алдымен, адамның ақыл-ойына, психикасына, содан кейін ақылға қонымды түсінікке, содан кейін апаттың қалай өтетініне және, сайып келгенде, адамның рационалдығына байланысты қарастырады. Автор кез-келген апатқа антропологиялық

*Түйін сөздер: апаттар теориясы, экология және экологизм, этика және экологиялық этика, адамның мінез-құлқы, психология және құқық, құқық философиясы, құқықтық теория, философия, Ганс Йонас (1903-1993).*

**B. Melkevick, Doctor Juris Habil, University of Paris 2, Professor (tenure), Law Faculty, Laval University (Quebec, Canada): Thank you for your disaster: law and rationality.**

The article explores the «catastrophe» (disaster) paradigm increasingly used in ethics, in environmental ethics, as well as in environmental law. The «catastrophe» paradigm is frequently used in these areas to legitimize «emergency» and «exceptional» political actions. The author takes a critical look at the relevance of this point of view. He put emphasis on «human nature» to demonstrate the importance and the role that the individual plays in understanding what a catastrophe is and can be. He introduces the practical perspective of a lawyer and the practical rationality of judicial training, to examine the different aspects of a catastrophe. First as to the human mind, *psyche*, then as to rational understanding, after as to how experiencing a disaster, and finally in terms of human rationality. The author concludes that any catastrophe, human or natural, must be approached within the limits of rationality.

*Keywords: catastrophe theory; ecology and ecologism; ethics; environmental ethics; human behaviour; psychology and law; philosophy of law; legal theory; philosophy; Hans Jonas (1903-1993).*

**Список литературы:**

1. Мелкевик Б. Право. Філософія. Сучасність / Переклад С. Максимова, Н. Сатохіної, О. Уварової та ін.; Під наук. ред. С. Максимова, О. Уварової. Харків: Право, 2017.
2. Cyrulnik B. Smart City: le Catastrophisme, penser le pire et agir pour le meilleur. Nice: Ovadia, 2020.
3. Dworkin R.M. Sovereign Virtue: The Theory and Practice of Equality. Cambridge: Harvard University Press, 2000.
4. Hume D. A Treatise of Human Nature: Being an Attempt to Introduce the Experimental Method of Reasoning into Moral Subjects. London: John Noon, 1739.
5. Jonas H. The Imperative of Responsibility – In Search of an Ethics for the Technological Age. Chicago: Chicago University Press, 1984 (Translated from German: Das Prinzip Verantwortung. Versuch einer Ethik für die technologische Zivilisation, Frankfurt-am-Main, Suhrkamp, 1979).

6. Melkevik B. Philosophie du droit [Philosophy of Law]. Volume 1 (2010), volume 2 (2014). Québec: Les Presses de l'Université Laval, coll. Diké, 2010.

### References (transliterated):

1. Melkevik B. Pravo. Filosofiya. Suchasnist' / Pereklad S. Maksimova, N. Satohinoi, O. Uvarovoi ta in.; Pid nauk. red. S. Maksimova, O. Uvarovoi. Harkiv: Pravo, 2017.

2. Cyrulnik B. Smart City: le Catastrophisme, penser le pire et agir pour le meilleur. Nice: Ovadia, 2020.

3. Dworkin R.M. Sovereign Virtue: The Theory and Practice of Equality. Cambridge: Harvard University Press, 2000.

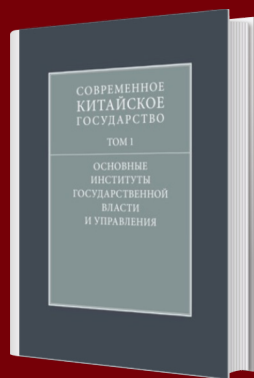
4. Hume D. A Treatise of Human Nature: Being an Attempt to Introduce the Experimental Method of Reasoning into Moral Subjects. London: John Noon, 1739.

5. Jonas H. The Imperative of Responsibility – In Search of an Ethics for the Technological Age. Chicago: Chicago University Press, 1984 (Translated from German: Das Prinzip Verantwortung. Versuch einer Ethik für die technologische Zivilisation, Frankfurt-am-Main, Suhrkamp, 1979).

6. Melkevik B. Philosophie du droit [Philosophy of Law]. Volume 1 (2010), volume 2 (2014). Québec: Les Presses de l'Université Laval, coll. Diké, 2010.

Для цитирования и библиографии: Мелкевик Б. Спасибо за вашу катастрофу: закон и рациональность // Право и государство. 2022. № 4(97). – С. 6-18. DOI: 10.51634/2307-5201\_2022\_4\_6

Материал поступил в редакцию 29.11.2022.



### НОВЫЕ КНИГИ

**Современное китайское государство** / гл. ред. А.В. Виноградов; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: РАН, 2022. ISBN 978-5-907366-55-8

**Т. 1: Основные институты государственной власти и управления** / редколл. А.В. Виноградов (гл. ред.) и др.; Ин-т Дальнего Востока РАН, Ин-т востоковедения РАН. М.: РАН, 2022. – 903 с. ISBN 978-5-907366-57-2 (в пер.); DOI: 10.48647/IFES/2022.22.76.029

В монографии рассматриваются основные институты государственной власти и управления в современном Китае – история, структура, полномочия и функции органов законодательной, исполнительной, судебной и недавно сформированной контрольной власти, их связи и взаимодействие; проанализированы система государственной службы, подбора и аттестации государственных чиновников, деятельность органов местного самоуправления и органов власти в национальных автономиях различного уровня, органов образования и культуры, управления религиозными общинами и спортом, эволюция административно-территориального деления и развитие демографической ситуации в КНР.

Книга предназначена для китаеведов, востоковедов, студентов, изучающих современный Китай и политические системы зарубежных государств, специалистов по сравнительной политологии и праву. Монография знакомит с опытом государственного строительства в Китае периода реформ и может представлять интерес для работников государственных органов.